

(hidden)

Веруйте в свет, да будете сынами света!

[Ин. 12:36]

Епископ Иларион (Алфеев)

Home / About the site / About the author

26

❖ БИОГРАФИЯ ❖ БИБЛИОГРАФИЯ ❖ КНИГИ ❖ ПЕРЕВОДЫ ❖ СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ ❖ КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
❖ ИНТЕРВЬЮ ❖ РЕЦЕНЗИИ ❖ АУДИО-И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ ❖ НОВОСТИ ❖ ФОТОГРАФИИ ❖ РАЗНОЕ ❖ ГОСТЕВАЯ
КНИГА

Отобразить меню

Искать

➤ Главная страница / Избранные статьи, доклады /

 Версия
для печати

О БРАКЕ И МОНАШЕСТВЕ

Выступление в Киевской духовной академии на конференции «Аскетика семьи. Семья в пост-атеистических обществах»

Будучи монахом, я, конечно, ничего не могу сказать о браке исходя из собственного опыта. То, на чем я основываюсь, - опыт общения с очень многими людьми, в том числе семейными парами, с которыми я знаком близко и с которыми общался на протяжении многих лет.

Церковью брак воспринимается как таинство, причем таинством является

не столько венчание, сколько сам брак как союз мужчины и женщины. Ни одна религия, ни одно мировоззрение не относится к браку так, как христианство, благословляющее чудо соединения двух людей в единую плоть, единую душу и единый дух.

Далеко не всегда прочность брака обеспечивается венчанием. Бывает, что люди вступили в церковный брак, над ними было совершено венчание по всем канонам, а брак не сохранился, распался. И наоборот, можно привести множество примеров, когда по тем или иным причинам супруги не венчались, но при этом в течение многих лет жили как единое неразрывное целое, как прочная христианская семья.

Мне думается, что существует два типа брака. Первый - брак как таинство, второй - брак как сожительство. Брак как таинство - это когда два человека соединены друг с другом настолько полно, глубоко и нераздельно, что не мыслят себе жизни друг без друга, когда они дают обет верности друг другу не только на земную жизнь, но и на всю последующую вечность.

Образом брака как таинства может служить судьба первой в истории супружеской пары - Адама и Евы. Они были созданы для совместного существования, Господь дал их одного другому. Они приняли друг друга как дар, у них не было выбора, не было колебаний. Они вместе жили в раю, вместе были изгнаны из рая, вместе начинали жизнь на земле, вместе растили детей, вместе пережили смерть Авеля и другие скорби, выпавшие на их долю. Они отошли в мир иной и вместе оказались в аду. На иконе Сошествия во ад изображен Христос, выводящий из ада этих двух людей, которые сохранили верность друг другу как в раю, так и в аду, как в радости, так и в скорби, как в дни успехов, так и в моменты падений. Они вместе жили, вместе умерли и вместе воскресли. Речь идет уже не о двух человеческих судьбах, но об одной судьбе двух людей, связанных неразрывно, навечно.

Таинственным является брак, который заключен по любви, по взаимному согласию, но вырос в нечто гораздо большее, чем первоначальная влюбленность. В таком браке у супругов является решимость переживать вместе не только светлые, но и скорбные моменты, не только все доброе и прекрасное, но и то горькое, с чем неизбежно связана земная жизнь.

Часто брак начинается с подлинной, горячей, искренней влюбленности. Люди дают обет верности друг другу, находясь в состоянии порыва, полета, вдохновения, а иногда и упоения, ослепления. Влюбленные поначалу видят друг в друге только хорошее, идеализируют друг друга. Но упоение со временем проходит, праздник сменяется буднями, и тогда супруги начинают с горечью прозревать недостатки друг друга. Многое из того, что раньше казалось ярким и прекрасным, вдруг оказывается тусклым, бесцветным, темным. Такое прозрение может наступить и через несколько месяцев, и через несколько лет. Если супругам удастся преодолеть этот кризис, пережить его вместе, брак сохраняется, если не удастся, брак дает трещину и дело начинает идти к разводу.

Брак как таинство может состояться только в том случае, если он с самого

начала - и даже еще до начала - будет соответствовать тем требованиям, которые предъявляет к браку христианская Церковь. Почему Церковь установила строгие правила, касающиеся, в частности, взаимоотношений между женихом и невестой до брака? Почему существуют отдельно обручение и венчание, которые в древности совершались в разное время, и временной промежуток между ними составлял порой несколько лет? Сейчас, как правило, и обручение, и венчание совершаются одновременно, но изначальный смысл этих двух событий совершенно разный. Обручение свидетельствовало, что мужчина и женщина решились принадлежать друг другу, что они дали друг другу обет верности, то есть, по сути дела, уже вступили в брак, но их брак до венчания еще не является полноценной семейной жизнью: они, в частности, должны воздерживаться от супружеского общения. Они встречаются и расстаются, и этот опыт совместного пребывания и разлуки закладывает тот фундамент, на котором затем будет построено прочное здание брака.

В наше время брак нередко распадается именно потому, что у него не было прочной основы: все было построено на мимолетном увлечении, когда люди, не успев вбить в землю сваи, определить, каким должен быть “дизайн” их будущего дома, сразу же начинают возводить стены. Такой дом неизбежно оказывается построенным на песке. Подули ветры, разлились реки - и он падает. Церковь именно потому устанавливает для супругов подготовительный срок, чтобы мужчина и женщина сумели построить брак не только на страстном половом влечении, но на чем-то гораздо более глубоком - на душевном, духовном и эмоциональном единении, на совместном желании отдать жизнь друг другу.

Таинственный брак заключается, если можно так сказать, на горячее сердце, но на трезвую голову. Спешка здесь неуместна. Мужчина и женщина должны иметь достаточно времени, чтобы первое увлечение, которое рискует пройти, было испытано временем. Опыт совместного и раздельного пребывания должен дать им ответ на вопрос, готовы ли они жить вместе, готов ли каждый из них сказать: “Да, это именно тот человек, с которым я могу разделить всю свою жизнь, которому могу отдать все, что у меня есть”.

Нельзя заключать брак, если у одной из сторон остаются хоть какие-то сомнения относительно правильности выбора. Нельзя идти под венец, если где-то, пусть даже на самом отдаленном горизонте сознания, присутствует “третий”. До тех пор, пока остается двойственность, пока остаются сомнения и колебания, с заключением брачного союза спешить нельзя. Если же подготовительный период прошел, а люди не только не разлюбили друг друга, но, наоборот, еще крепче привязались друг к другу, сроднились, поняли, что они готовы соединить свои судьбы, тогда после венчания их брак получает завершение, обретает полноту через физическую близость.

Существует ложное, ошибочное мнение - что Церковь против супружеского общения, что оно, по учению Церкви, должно быть сведено к минимуму. Некоторые священнослужители распространяют мнение, выдавая его за учение Церкви, о том, что общение супругов в браке допустимо исключительно с целью чадородия, то есть для зачатия ребенка; в течение

всего остального времени от полового общения надо воздерживаться. Это не учение Церкви и никогда таковым не было. Бог не создал бы людей такими, какие они есть, не вложил бы в мужчину и женщину влечение к друг к другу, если все это было нужно исключительно ради деторождения. Супружеская близость имеет свою ценность и свой смысл, являясь неотъемлемой частью брачного союза. Конечно, Церковь устанавливает определенные дни и периоды, когда супруги призываются воздерживаться от брачного общения - это время Великого и других постов, то есть то время, которое дается Церковью для того, чтобы люди могли сконцентрироваться на духовной жизни, время аскетического подвига, испытания. Обращаясь к супругам, апостол Павел говорит: "Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим" (1 Кор. 7:5).

Брак - это возможность для супругов постоянно открывать что-то друг в друге, заново узнавать друг друга. В этом смысле жизнь в браке можно сравнить с жизнью религиозной, с богообщением. Внешние формы нашего общения с Богом изо дня в день одни и те же. Мы читаем одни и те же молитвы, приходим на одну и ту же Литургию - все это остается неизменным в течение всей нашей жизни. Но при этом, если мы серьезно и глубоко живем религиозной жизнью, мы каждый раз открываем в привычных словах новый смысл и новое содержание. И Бог открывается нам через эти молитвы и богослужения всякий раз по-иному, по-новому. Каждая Литургия, каждая встреча с Богом в молитве - это некое открытие. В богообщении нет ничего однообразного, рутинного, будничного, обыденного. Так и в браке. В нем супруги, несмотря на то, что привыкают друг к другу, узнают привычки, способности и возможности друг друга, тем не менее не перестают открывать друг друга, и их совместная жизнь не перестает быть праздником ежедневного откровения, обретения чего-то нового и прекрасного в близком человеке. Свежесть взаимного восприятия в таком браке не проходит, не исчезает. Цветы, с которых началось общение влюбленных в юности, не увядают, остаются вечно цветущими.

Супруги в браке призваны взаимно дополнять друг друга. Очень важно научиться видеть и ценить в другом то, чего нет у тебя.

В браке люди осознают, что, если бы они не встретились, они оставались бы неполноценными, незавершенными. Это не означает, конечно, что брак является единственной возможностью самореализации. Есть и другие пути. Есть и путь безбрачия, путь монашества, когда все то, чего человеку не хватает, восполняется в нем не другой человеческой личностью, но Самим Богом, когда сама божественная благодать "немогущая врачует и оскудевающая восполняет".

Чем брак как сожителство отличается от брака как таинства? Брак как сожителство означает, что в какой-то момент судьба свела двух людей, но между ними нет той общности, того единства, которое необходимо для брака, чтобы он стал таинством. Живут двое - и у каждого своя жизнь, свои интересы. Они давно бы развелись, но жизненные обстоятельства заставляют их оставаться вместе, потому что, например, невозможно

разделить квартиру. Такой брак, - будь он “венчанный” или “невенчанный”, - не обладает теми качествами, которыми должен обладать христианский брак, когда, как говорит апостол Павел, муж является для жены тем же, чем Христос для Церкви, и жена для мужа тем же, чем Церковь для Христа. В таком браке отсутствует тесная, неразрывная взаимосвязь, верность, жертвенная любовь. Люди в таком браке не переступают через свой эгоизм и, прожив вместе много лет, остаются замкнутыми каждый на самом себе, а значит, чужими друг другу.

У всякого брака, начавшегося как простое сожительство, есть потенциал перерастания в таинство, если супруги работают над собой, если они стремятся уподобиться соответственно Христу и Церкви. Брак, который начался как сожительство, может обрести новое качество, если супруги воспринимают брак как возможность вырасти в некое новое единство, выйти в иное измерение, преодолеть свой эгоизм и замкнутость. Очень важно научиться вместе переносить испытания. Не менее важно учиться переносить недостатки друг друга. Нет людей и супружеских пар, у которых не было бы недостатков. Нет семей, где все проходило бы идеально и гладко. Но, если супруги хотят, чтобы их брак был таинством, если хотят создать настоящую, полноценную семью, они должны бороться с недостатками вместе, воспринимая их не как недостатки другой половины, но как свои собственные.

Очень важно, чтобы не было и другой крайности, когда взаимная привязанность, любовь и верность становятся источником ревности, деспотизма и духовного насилия. Это случается, когда один из супругов воспринимает другую половину как собственность, подозревает его или ее в неверности, во всем видит угрозу. Очень важно, чтобы при духовном, душевном и телесном единстве супруги умели не посягать на свободу другого, уважать в нем личность, чтобы каждый признавал за другим право на возможность иметь и какую-то свою жизнь помимо той, что протекает в семейном кругу. Эта свобода, естественно, не должна быть свободой от брачных уз, от нравственных норм, но она должна помочь человеку раскрывать в браке, как и в других сторонах жизни, свою индивидуальность.

Особая тема - дети. Когда в семье рождается первый ребенок, брачные отношения супругов вступают в новую фазу: появляется третье лицо, которое, особенно в первые годы своей жизни, находится в полной зависимости от родителей - не только физической, материальной, но и духовной. Все то, что происходит с родителями и между родителями, неизбежно сказывается на детях. Если брак родителей является таинственным, полноценным христианским браком, который основан на любви и самопожертвовании, если супруги посещают церковь, вместе молятся, с ранних лет приобщают ребенка к церковной жизни, к той благодати, которую дети получают неосознанно, но которая дается им столь же обильно, а иногда и более обильно, чем взрослым, то в такой семье ребенок растет в гармонии с родителями, с окружающими, с самим собой и с Богом. Если же в отношениях супругов существует дисгармония, если их совместное бытие является в лучшем случае сожительством, то ребенок не может впитать в себя чувство единства и единения со своими

родителями, ибо этого чувства нет между ними.

Что происходит с людьми, если их брак не состоялся? Они либо разводятся, либо продолжают жить вместе в силу тех или иных внешних обстоятельств. И здесь трудно сказать, что лучше.

С одной стороны, конечно, всякий развод - это трагедия. Церковь не приветствует развод, считая его явлением противоестественным, ибо если союз между мужчиной и женщиной заключен, то он должен продолжаться и в этой, и в будущей жизни. С другой стороны, Христос говорит, что развод допустим по вине любодеяния (Мф. 5:32). Бывают и другие ситуации, когда развод не только допустим, но и желателен. Есть семьи, где совместная жизнь превращается в пытку, например, когда один из супругов страдает алкоголизмом или наркоманией, когда в семье постоянные скандалы, ссоры, когда муж избивает жену или детей и т. д. Я не думаю, что в этом случае, даже если брак был венчанным, Церковь будет настаивать на сохранении семьи.

Бывают случаи, когда брак, сохраняясь "де-юре", распадается "де-факто", когда супруги живут каждый своей жизнью, изменяют друг другу, но при этом почему-то считают, что ради детей нужно сохранять видимость семьи, потому что, если они разведутся, дети будут травмированы. Действительно, развод родителей, как правило, становится для детей глубокой травмой, раной, которая может не зажить в течение всей их последующей жизни. Более того, неполные семьи - семьи, в которых нет либо отца, либо матери - часто оказываются причиной многих трудностей для ребенка, потому что у него отсутствует опыт полноценных и полнокровных семейных взаимоотношений. В деле воспитания ребенка у каждого из родителей разные и взаимодополняющие функции - что-то дает ребенку отец, чего не может дать мать, что-то, что недоступно отцу, дает мать. Но если взрослые только делают вид, что все у них прекрасно, тогда как на самом деле это не так, дети чувствуют фальшь, причем, гораздо тоньше, чем взрослые. Детей не обманешь. Они, может быть, не сумеют этого рационально объяснить, но на подсознательном и на эмоциональном уровнях будут ощущать ложь. Неизвестно, что в таком случае лучше для родителей - развестись или продолжать создавать видимость семьи.

Хотел бы еще раз подчеркнуть: для того, чтобы брак осуществился как таинство, необходимо строго следовать христианским нравственным установкам. Не надо думать, что если Церковь, например, рекомендует будущим супругам до венчания воздерживаться от супружеской близости, то это требование основано на каких-то устаревших средневековых нормах, и что, поскольку сейчас молодежь живет по-другому, то все это соблюдать не обязательно. Эти нормы были установлены не случайно. Они проверены в течение многих веков жизнью многих поколений. В наше время многие браки распадаются, именно потому, что они заключаются без твердой основы. Достаточно молодым людям почувствовать влюбленность - и они идут в ЗАГС или к алтарю. Но через какое-то время оказывается, что они "не сошлись характерами", а на самом деле они просто не успели хорошо узнать друг друга.

Поэтому, чем ближе вступившие в брак мужчина и женщина будут к тем нравственным нормам, которые установила Церковь, чем строже они будут соблюдать эти нормы, тем больше у них шансов на то, что их совместная жизнь в браке действительно станет тем таинством, тем ежедневным праздником, каким и должен быть христианский брак.

О монашестве

Есть нечто существенно общее между браком и монашеством. Это не два противоположные пути, но два пути, которые во многом близки один другому. Человек как индивидуум - существо не вполне полноценное, он реализуется как личность лишь в общении с другим. И в браке восполнение недостающего происходит через обретение второй "половины", второго "я", через обретение "другого". В монашестве этим "другим" является Сам Бог. Тайна монашеской жизни заключается в том, что принявший монашество целиком ориентирует свою жизнь на Бога. Человек сознательно и добровольно отказывается не только от брака, но и от многого другого, доступного обычным людям, чтобы максимально сосредоточиться на Боге и посвятить Ему всю свою жизнь, все свои помыслы и дела. И в этом смысле монашество близко к браку. Не случайно многие Отцы Церкви сравнивали монашескую жизнь с жизнью супружеской и говорили об устремлении души человеческой к Богу в тех же выражениях, в которых говорили о супружеской жизни. Показательно, что одним из основных текстов, использовавшихся в аскетической литературе, посвященной монашеству, была библейская Книга Песни Песней Соломона, которая, говоря о любви между мужчиной и женщиной, касается таких глубин человеческого естества, что в равной степени применима и к той любви, которая существует между душой человеческой и Богом. Душа христианина - невеста Христова, и именно в этом плане в монашестве реализуется тот "брачный потенциал", который есть у каждого человека. Все то, что недостает человеку, индивидууму, чтобы стать личностью, персоной, чтобы осознать свое персональное бытие в единении и общении с другим, в монашестве обретается через общение с Богом. Это первое.

Второе. Человек не должен принимать монашество только на том основании, что он не сумел вступить в брак. Нередко молодые люди, особенно выпускники духовных семинарий, оказываются перед дилеммой: они созрели для священнослужения, получили духовное образование, готовы начать самостоятельную взрослую жизнь, но по тем или иным обстоятельствам не сумели "решить семейный вопрос", найти себе спутницу жизни. И случается, что архиерей начинает давить на такого человека: раз ты не женат, значит, принимай монашество и рукополагайся. Это, конечно, совершенно недопустимо, потому что как для брака, так и для монашества человек должен созреть, и любая спешка, а тем более давление, здесь неуместны и недопустимы. Монашество можно принимать лишь в одном случае - если человек чувствует к этому горячее призвание. Монашеское призвание не может быть минутным порывом: оно должно вызревать в человеке на протяжении долгого времени, становиться все более явным, все более сильным. Если же человек не уверен в своем призвании, колеблется, то принимать монашество нельзя. В беседе о браке я говорил примерно о том же: нельзя вступать в брак, пока сохраняется

сомнение, что именно этот человек - тот, с которым ты готов разделить всю свою жизнь, ради которого готов пожертвовать своей жизнью. Аналогичный подход должен быть в отношении принятия монашеского пострига.

Третье. Монашество имеет разные внешние формы. Есть монахи, живущие в монастырях, есть живущие в миру. Есть монахи, выполняющие церковное послушание, например, преподающие в духовных школах, есть монахи, которые занимаются благотворительностью или социальным служением, заботятся о бедных. Есть монахи - священнослужители на приходах. Одним словом, внешняя картина монашеской жизни может быть самой разной. Но внутренняя суть от этого не меняется. А она заключается, как мне кажется, в двух вещах - в одиночестве и в непрестанном предстоянии Богу. Поэтому человек, который не чувствует призвания к одиночеству, к тому, чтобы всю свою жизнь без остатка отдать Богу, не должен становиться монахом.

Случается, что молодые люди принимают монашество, ориентируясь на те или иные возможности, которые, как они полагают, можно будет получить, приняв постриг.

Огромную и трагическую ошибку допускают люди, которые принимают постриг ради церковной карьеры. В современной практике Православной Церкви архиереем может стать только монашествующий. Это приводит к тому, что люди с карьерными устремлениями принимают монашество, чтобы достичь церковных высот. Но высот этих достигают очень немногие, потому что монахов много, а епископов мало. И нередко такие люди уже в зрелом возрасте оказываются перед ситуацией, когда понимают, что их желание недостижимо, что они “выпали из обоймы” или так и не вошли в ту “обойму”, которая поставляет кадры для архиерейского служения. И наступает страшнейший кризис. Человек понимает, что он погубил свою жизнь, лишившись многого ради иллюзии. Подобные ситуации должны быть исключены. Монашество можно принимать только в том случае, если человек целиком ориентирован на Бога, готов отдать Богу свою жизнь, идти тесными вратами. Монашество - это максимальное выражение того “тесного” пути, о котором говорит Господь (Мф. 7:13; Лк. 13:24). Это путь достижения внутренних высот, путь внутренних обретений - при внешних потерях. Принятие же пострига ради каких-то внешних целей извращает самую суть монашества.

Недопустимо принимать монашество и по послушанию. К сожалению, довольно часто случается, что человек на каком-то этапе своей жизни не может решить, принимать ли ему монашество или вступить в брак. Не имея достаточных внутренних сил для самостоятельного решения, он говорит себе: “Пойду к духовнику (вариант: поеду к такому-то старцу), и что он мне скажет, на то и будет воля Божия”. Такой подход порочен. Все ответственные решения человек должен принимать сам. И нести за них полную ответственность. Конечно, нет никакой гарантии, что ошибки не произойдет. Многие люди ошибались в выборе своего жизненного пути. Но человек, который сам допустил ошибку, сам же может ее исправить, пусть даже это и дорого ему обойдется. Если же ошибка допущена кем-то другим и человек понимает, что его судьба не состоялась, потому что когда-то, по неразумию, опрометчиво он вверил решение своей судьбы другому, то

такую ошибку исправить уже некому.

В беседе о браке я говорил, что есть два вида брака - брак как таинство и брак как сожительство. То же самое можно сказать и о монашестве: оно может быть таинством, а может им не быть. Монашество, которое является таинством, преобразует всю жизнь человека, изменяет ее коренным, радикальным образом.

Кстати говоря, существует совершенно неправильная традиция, унаследованная от того времени, когда наша Церковь находилась под сильным влиянием западной схоластики, - проводить границу между таинствами и обрядами и относить брак к разряду таинств, а монашеский постриг - к разряду церковных церемоний, лишенных таинственного характера. Монашеский постриг - такое же таинство, как и другие таинства Церкви, потому что содержит в себе все признаки таинства. Человек, принимающий монашество, получает другое имя, подобно тому как это происходит в Крещении. Он облачается в новую одежду. Как и в таинстве Крещения, по вере Церкви, человеку прощаются грехи, в том числе и те, что являются каноническим препятствием для принятия священного сана. И даже в самом чинопоследовании монашеского пострига оно названо таинством, когда постригающий говорит постригаемому: "Ты приступил к этому великому таинству". Но монашество только тогда осуществляется как таинство, когда принимается по призванию, дабы стать путем внутреннего совершенствования, путем восхождения человека по той "лестнице" обретения добродетелей и борьбы со страстями, которую так прекрасно изобразил в своей классической книге святой Иоанн Синайский.

В каком случае можно говорить, что монашество не состоялось как таинство, что принятие пострига оказалось неудачей или ошибкой? В том случае, когда человек принял постриг либо против воли, по послушанию другому лицу, либо в слишком раннем возрасте по собственному неразумию, либо под влиянием настроения или энтузиазма, которые потом прошли. Такой человек, уже будучи монахом, понимает, что он совершил ошибку, что для монашеской жизни он совершенно не предназначен. Из этой ситуации есть три исхода.

При первом исходе человеку удастся себя переломить: он говорит себе, что, коль скоро стал монахом, коль скоро Бог привел его к этому образу жизни, нужно сделать все, чтобы монашество стало действительно таинством единения с Богом. И человек старается с помощью Божией настроить свою жизнь на нужный аскетический лад. Это лучший вариант, но, к сожалению, такой исход достаточно редок.

Чаще встречаются второй и третий варианты. Второй вариант: человек остается в монашестве, дабы не нарушить монашеские обеты, но при этом не испытывает ни радости, ни вдохновения от того, что он монах, а просто "тянет ляжку", кляня свою судьбу. Третий вариант: монах покидает монастырь, "расстригается", как говорят в просторечии, становится мирянином.

Трудно сказать, что лучше. С одной стороны, монашеские обеты даются

человеком раз и навсегда, и, согласно каноническим правилам Церкви, даже тот монах, который сложил с себя иноческое одеяние и вступил в брак, продолжает оставаться монахом, но монахом падшим, живущим во грехе. И за редчайшими исключениями бывшие монахи, вступая в брак, не получают церковного благословения на брачную жизнь и не могут быть обвенчаны в храме. Такова традиция Православной Церкви. В этом смысле монашеские обеты налагают на человека большие обязательства, чем брачные обеты: Церковь может признать развод, но никакого “расстрижения” церковные каноны не признают. И если в брак можно вступить дважды, то монашеские обеты дважды дать нельзя.

В течение первых двух лет моей монашеской жизни я жил в монастыре, в котором едва ли не каждый второй монах отказывался от обетов и уходил из монастыря. Некоторые из ушедших женились. Как правило, такие браки были неудачными и вскоре распались. Помню случай, когда человек бросил монашество через два дня после пострига, что свидетельствовало о его полной внутренней неготовности к монашеской жизни. Вспоминаю и другой случай: молодой человек поступил в монастырь на огромном энтузиазме, искренне хотел отречься от мира, вести святой образ жизни, но по натуре был общительным, светским, а в монастыре не нашел той духовной пищи, того духовного руководства, которое могло бы не только удержать его на стезе монашеской жизни, но и сделать эту жизнь духовно наполненной. В результате он начал терять трезвение, контроль над собой, стал ходить в город, связался с женщинами, начал играть в рок-группе (в прошлом он был музыкантом). Дальше - алкоголь, наркотики. В результате он ушел из монастыря, женился, развелся и, не дожив до сорока лет, умер от передозировки наркотиков. Этот и другие подобные случаи укрепили во мне убеждение, что решение о монашеском постриге может быть принято только по очень трезвому и серьезному размышлению, только после того, как человек глубоко укрепился в своем желании жить монашеской жизнью, убедился, что это его призвание, только после долгого искуса.

Мне часто приходится общаться с молодыми людьми, которые стоят на распутье. Некоторые из них говорят: “Я подумываю о монашестве, но у меня есть сомнения, колебания”. Я этим людям обычно отвечаю, что до тех пор, пока у них сохраняется хотя бы тень сомнения, хотя бы даже слабое колебание, монашество принимать не следует. Советую им не спешить, подождать хотя бы года три, а затем проверить, не ослабло ли это желание, не охладело ли оно, и если оно сохранилось, то решаться на принятие монашества. Ошибка может иметь роковые последствия, так как, дав монашеские обеты, а затем поняв, что монашество ему не по силам, человек редко бывает способен вернуться к нормальной жизни. Он остается на всю оставшуюся жизнь духовно травмированным, нравственно искалеченным.

Как и в браке, в монашестве существует своя динамика, и монах может развиваться либо в положительном, либо в отрицательном направлении. В монашестве человек не стоит на месте: он либо идет по пути к Богу, мало-помалу накапливая духовный потенциал, либо постепенно растрчивает тот небольшой первоначальный запас, который есть у всякого человека, принимающего монашество. И в этом смысле, конечно, очень важно, чтобы

человек с самого начала правильно себя настроил. Как и в браке, в монашестве возможна первоначальная эйфория и последующее разочарование. Бывает, что, приняв постриг, человек в первые дни или месяцы живет словно на небе, он счастлив, ему кажется, что сбылась его мечта, что монашеская жизнь - именно то, к чему он стремился. Но потом наступает отрезвление. Человек начинает видеть, что в монашеской жизни есть свои трудности и искушения, к которым он оказывается не готов. Очень важно суметь пережить этот критический момент. Если в браке супруги могут вдвоем преодолеть критические ситуации, то в монашестве человек оставлен наедине с собой. Конечно, он не один, если пребывает в Боге, но поддержки от людей монаху часто не хватает. Нередко ему недостает правильного духовного руководства, особенно в наше время, когда опытных духовников мало.

В советское время в Русской Православной Церкви было всего 18 монастырей, но даже тогда жаловались на нехватку опытных духовных руководителей. Сегодня число монастырей перевалило за 500, но духовно опытных наставников от этого не прибавилось. Ведь духовные руководители должны вырастать десятилетиями, и чтобы они выросли, должна существовать прочная монашеская традиция. Сами духовники должны быть учениками опытных наставников. Сила монашества заключается именно в преемстве духовного руководства, которое, как и апостольское преемство, идет от первохристианских времен: духовный опыт передается от учителя к ученику, а потом ученик сам становится учителем и передает опыт своим ученикам.

В истории христианской святости немало примеров, когда монашеский опыт передавался от учителя к ученику. Преподобный Симеон Новый Богослов был учеником преподобного Симеона Благоговейного. Получив от учителя глубокие знания в области аскетической и мистической жизни, он записал их и передал своим ученикам. Никита Стифат, написавший житие Симеона Нового Богослова, был его ближайшим учеником. И у самого Никиты Стифата, естественно, были ученики. Непрерывная цепь преемства духовного опыта продолжается от древних времен до наших дней. И даже в советское время в Русской Православной Церкви эта цепь не прервалась, хотя и была ослаблена: духовно опытные руководители, старцы, были в те годы большой редкостью, но они все же существовали.

А что происходит сейчас? Открывается небольшой монастырь, епископ направляет туда двадцатитрехлетнего игумена, тот берет с собой нескольких двадцатилетних послушников, и они начинают друг друга воспитывать. Нет никакой гарантии, что юноша, назначенный настоятелем только потому, что надо было, получив в церковное распоряжение монастырское здание, кого-то туда срочно поселить, станет действительно хорошим наставником для этой молодежи, которая приходит, может быть, с большим энтузиазмом, с огнем, но при недостатке духовного руководства может разочароваться и оказаться на ложном пути.

Мне кажется, что, так же как и принятие священства, принятие монашества должно происходить в зрелом возрасте. В древних монастырях не постригали не только пятнадцатилетних, семнадцатилетних, но даже и

двадцатилетних. К постригу готовились очень долго. Прежде чем поступить в монастырь, человек долго размышлял. Никто не настаивал, чтобы он шел в монастырь, как сейчас это делают некоторые духовники, подталкивая молодежь к принятию монашества. Поступив в монастырь, человек долго находился в статусе послушника, и если разочаровывался, мог спокойно уйти, чтобы начать полноценную жизнь в миру. И только если человек, проведя много лет в монастыре, понимал, что это его путь, его постригали. Таким образом, постриг был не началом его монашеского пути, а неким итогом долголетнего искуса: постриг подтверждал, что человек призван к монашеству, что его желание стать монахом не было скороспелым, поспешным, что это было его собственное желание, а не желание другого лица, пытавшегося принудить его к монашеству.

Я говорю это, прекрасно сознавая, что вы можете мне напомнить о том, как я сам принял постриг в двадцатилетнем возрасте. На это могу только ответить, что мне в каком-то смысле повезло, мое решение принять монашество было, возможно, юношеским, незрелым, но, тем не менее, за прошедшие 13 лет не было ни секунды, когда бы я в этом разочаровался, когда бы подумал: “А не было ли это ошибкой?” Даже в самые трудные минуты, а таких было немало, я никогда не чувствовал, что моим призванием могло бы стать что-то иное.

Другим же повезло гораздо меньше. И мне известно немало случаев, когда, приняв монашество в юности, человек через какое-то время осознавал, что это было ошибкой, но продолжал оставаться в монастыре, “тянуть ляжку” без вдохновения, без радости. Мне приходится видеть монахов, которые пребывают в перманентном состоянии уныния и которым все в этой жизни опостылело. Чтобы хоть как-то утешиться, они либо ходят на консультации к психотерапевтам, либо целыми днями слушают классическую музыку, либо ищут утешение в алкоголе.

Если же монашество принято с соблюдением всех перечисленных условий, принято по призванию, оно может стать для человека источником раскрытия его внутреннего потенциала, дать ему те возможности, которые не дает жизнь в миру. Монах по определению свободен от многих уз, которыми связывает жизнь человека мирского. У монаха есть возможность сосредоточиться на самом главном, и если он ориентирует свою жизнь на это главное, - на то, что является “единым на потребу”, то есть на Самого Бога, - его приобретения могут быть очень велики. Прежде всего, он может познать на собственном опыте, что значит та близость души человеческой к Богу, о которой святые Отцы писали в толкованиях на Книгу Песни Песней. Он может познать Бога или, как говорил отец Софроний, цитируя слова апостола Иоанна Богослова, “увидеть Бога как Он есть”. Он может приобрести многие духовные навыки и достичь святости. Конечно, путь к святости открыт для каждого человека вне зависимости от того, монах он, священник или мирянин, живет в монастыре или в миру. Но монашество может создать для человека особые условия, при которых он встречается меньше препятствий, чем люди мирские. На пути монахов лежат другие препятствия - те искушения, которые не знакомы людям, живущим в миру. Это особая борьба, особый подвиг. Но, повторяю, возможность раскрыть свой внутренний потенциал, посвятить всю свою жизнь Богу

предоставляется тем монахам, которые приняли постриг по призванию.

Монашество, как я уже сказал, - это наиболее радикальное выражение того хождения "узкими вратами", к которому Господь призывает всех христиан. В древней Церкви монашество складывалось постепенно. Были группы аскетов, подвижников, которые давали обет безбрачия; некоторые из них уходили в пустыни, другие оставались жить в городах. Главной своей целью они ставили духовную работу над собой - то, что в Ветхом Завете называлось "хождением перед Богом", когда вся жизнь человека была ориентирована на Бога, когда всякое дело, всякое слово было посвящено Богу. В Сирийской Церкви в IV веке эти подвижники назывались "сынами Завета" или "дочерьми Завета": они давали обет безбрачия, чтобы посвятить себя служению Богу и Церкви. В Каппадокии в тот же период монашеское движение развивалось быстрыми темпами, создавались общины аскетов. Важную роль в формировании каппадокийского монашества сыграл святитель Василий Великий. От него до нас дошло несколько сборников нравственных правил. Принято считать, что это монашеские правила, однако слово "монах" в них не употребляется. Дело в том, что Василий Великий писал свои правила не только для монахов, но для всех аскетически настроенных христиан - всех тех, кто хотел строить свою жизнь по Евангелию. Ведь по сути монашество - не что иное как евангельский образ жизни, стремление к исполнению тех же самых заповедей, которые даны живущим в миру. Не случайно святой Иоанн Лествичник говорил: "Свет монахам - ангелы, а свет для людей - монашеское житие". И не случайно в византийскую эпоху и на Руси монашескую жизнь воспринимали как некий эталон, и жизнь общества была в значительной степени ориентирована на аскетические монашеские правила.

Таким образом, нет никакого противоречия не только между монашеством и браком, но и между монашеством и жизнью в миру. Святой Исаак Сирийский говорит, что "мир" есть совокупность страстей. И монах уходит от такого "мира" - не от мира как творения Божия, но от падшего, греховного мира, погрязшего в пороках. Уходит не из ненависти к миру, не из гнушения миром, но потому, что вне мира он может накопить в себе тот духовный потенциал, который потом реализует в служении людям. Преподобный Силуан Афонский говорил: многие обвиняют монахов, что они даром едят хлеб, но молитва, которую они возносят за людей, ценнее многого из того, что люди совершают в миру для пользы ближних.

Преподобный Серафим Саровский говорил: "Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся". Уходя в пустыню на пять, десять, двадцать, тридцать лет, отшельники приобретали "дух мирен", тот внутренний мир, которого так не хватает живущим в миру. Но потом они возвращались к людям, чтобы поделиться этим миром с ними. И, действительно, тысячи людей спасались вокруг таких подвижников. Конечно, было множество подвижников, которые ушли из мира и не вернулись в мир, которые умерли в неизвестности, но это не значит, что их подвиг был тщетным, потому что молитвы, которые они возносили за ближних, многим помогли. Достигнув святости, они стали ходатаями и заступниками за тысячи людей, которые были спасены их

молитвами.

Принимая постриг, монах дает три основных обета: нестяжания, целомудрия и послушания.

Нестяжание можно понимать по-разному. Речь может идти о полной добровольной нищете, когда человек отказывается от всех земных благ, от всякой собственности. Но в большинстве случаев речь идет о том, что монах, обладая теми или иными материальными благами, относится ко всему, что имеет, так, будто это взято взаймы. Монах и к жизни должен относиться так, будто она дана ему взаймы. В “Лестнице” и других памятниках аскетической литературы говорится о добродетели странничества, когда человек понимает, что не имеет здесь, на земле, “пребывающего града, но грядущего взыскует”, потому что его духовная родина - Небесный Иерусалим. И именно к нему устремлен духовный взор монаха.

Обет целомудрия не сводится только к безбрачию. “Целомудрие” - славянское слово, которое несет в себе очень глубокий смысл. Оно говорит о том, что человек должен “целостно мудрствовать”, то есть во всех своих поступках и помыслах руководствоваться “мудростью, сходящей свыше”, которая есть Сам Христос.

И, наконец, послушание. Этот монашеский обет может быть исполнен по-разному: монах в монастыре находится в послушании у своего игумена, монах, служащий на приходе, - у своего епископа. Но каковы бы ни были внешние обстоятельства жизни монаха, он всегда должен помнить, что его жизнь уже не принадлежит ему, она отдана Богу, Церкви и людям. И монах только тогда оправдывает свое призвание, когда его жизнь приносит плоды и по отношению к Богу, и по отношению к Церкви, и по отношению к людям. Монах приносит пользу в отношении Бога, если постоянно работает над собой и, духовно преуспевая, восходит “от силы в силу”. Он приносит пользу Церкви, либо если совмещает свою монашескую жизнь со служением Церкви в сане священника, либо если, не будучи священником, занимается какой-то другой церковной деятельностью, например, благотворительностью, преподаванием. Монах приносит пользу людям, если либо передает им тот духовный опыт, который накопил в себе, либо накапливает в себе этот опыт, чтобы потом поделиться им с людьми, либо просто молится за людей.

В конечном итоге, послушание - это вслушивание в волю Божию, стремление человека максимально приблизить свою волю к воле Божией. И монах - это тот, кто добровольно отрекается от своей воли, передавая всю свою жизнь в руки Божии. Монах должен стремиться достичь столь полного слияния своей воли с волей Божией, чтобы уподобиться Иисусу Христу, Который в Гефсимании взывал к Своему Отцу: “Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты” (Мф. 26:39). В этих словах проявилась, с одной стороны, Его человеческая воля и естественный для всякого человека страх перед страданиями, а с другой, - полная преданность воле Божией и всецелая готовность верить Свою

жизнь Богу.

Хотел бы в заключение сказать о том, что монашество, в отличие от брака, является уделом избранных - избранных не в том смысле, что они лучше других, но в том смысле, что они чувствуют призвание и вкус к одиночеству. Если у человека нет потребности в пребывании в одиночестве, если ему скучно наедине с собой и с Богом, если ему постоянно требуется что-то внешнее для заполнения, если он не любит молитву, не способен раствориться в молитвенной стихии, углубиться в нее, приблизиться через молитву к Богу, - в таком случае он не должен принимать монашество.

© Епископ
Иларион
(Алфеев)

Биография•Библиография•Книги•Переводы•Статьи,
доклады•Катехизические материалы
Интервью•Рецензии•Аудио и видео
материалы•Новости•Фотографии•Разное•Гостевая книга

[вверх](#)